

В кадре и за кадром

«Я РАБОТАЮ В ОБЛАСТИ СКАЗОК...»

Вот Москва 1988. 25 окт.

Есть известная фраза, сказанная кем-то из великих: писатель в России должен жить долго. Произносят ее обычно в конце разговора, как-то внезапно поскучнев. Горькая фраза. Суть ее в том, что заслуженное признание приходит к нашим мастерам культуры часто со значительным опозданием. Нередко, увы, познать вкус славы удается лишь долгожителям. Впрочем, это справедливо лишь по отношению к настоящим талантам, к настоящему искусству — известным людям у нас всегда бывало достаточно: известных по чьему-то благорасположению или распоряжению, известных благодаря страстному желанию просто быть известным во что бы то ни стало и любимыми средствами... Где они сейчас — любимцы прошлых лет?

...С Георгием Францевичем Милляром мы сидим в небольшой комнатке современного высотного дома. С балкона квартиры вид на окраинную Москву, на новостройки. Восемнадцатый этаж. А вокруг меня уютный и камерный мир пожилого человека — любимые книжки, сувениры, подаренные артисту детьми, собранные здесь, видно, не за одно десятилетие, дети те стали давно уже взрослыми людьми, а в доме этом хранятся их самоделки, ребячьи фотокарточки.

Тут же кружевные салфетки на тумбочках, снимки явно дореволюционного характера, немного пожелтевшие, изобразительные человека с лихо закрученными усами, мягко улыбающуюся барышню (его родители или другие родственники?).

— Все актеры не могут быть красивыми, — рассказывает Милляр, — у каждого должна быть своя индивидуальность. Ну представьте, что режиссер набирает себе труппу, и все сплошь из красивых людей. Представляете? Нет? Ну и я — нет. А вот когда с красавцем Сергеем Столяровым — помните в «Кащее Бессмертном»? — выходит такой вот страшенький Милляр, у которого и голос стариковский, и лицо... То и Столяров выигрывает, ну и Милляр тоже.

Еще когда я договаривался о встрече, меня поразил голос по телефону — страшно знакомый. Впрочем, это неудивительно. И я сам, и мои родители выросли на фильмах-сказках А. Роу, практически в каж-

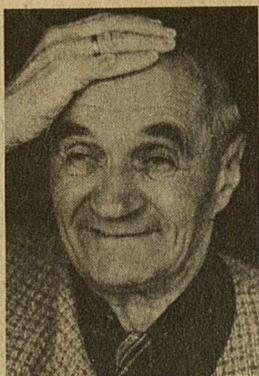
дой из которых играл Милляр.

Да и сейчас могу, не отрываясь, смотреть те старые — видно уже, что старые, — киноленты. Есть в них что-то захватывающее, причем захватывающее сильнее, чем современные детективы и фильмы ужасов типа «Экипаж» или «Пираты XX века».

— «По щучьему велению» вышла в 1938 году, — рассказывает артист, — это была одна из первых советских «сказочных» лент. Тогдашний министр культуры — уж и не помню, кто именно, — все говорил нам: «Хорошая картина, хорошая, но вот только что с ней делать?». Время было сложное, сами понимаете. Намеки искали даже там, где их и быть не могло.

А тут — сказка! «Сказка ложь, да в ней намек» — знаете пословицу? Так что уж куда без намека. Конечно, у нас и в мыслях не было ни в этой ленте, ни в последующих «намекать» на тогдашние порядки. Даже подумать об этом было невозможно... Так или иначе ленту эту показали на даче у Сталина и Молотова. И первым, кому она понравилась, — это детям. Они явились, так сказать, ее цензорами.

Время было страшное. То одного, то другого из знакомых арестовывают. Меня, правда, бог миловал. Помню, пришли мы с Роу в павильон, съемки уже кончились, темно. Он вздохнул как-то тихо: «Ты знаешь, Юра, живу все время под каким-то страхом...». Дальше говорить не решился. Об этом было лучше не говорить. Да-

же когда, казалось бы, посторонних нет.

— Ну, а вы сами в тот период осознавали суть происходящего?

— Задумываться, конечно, задумывался, но потом начинал сам себе пенять: а вдруг я обыватель просто, мещанин, а Сталин действительно кормчий, гений, видящий на многие годы вперед.

Вот говорят, гений и злодейство — вещи несовместимые. Еще как совместимые. Сталин был гением массового гипноза — так можно было бы назвать его. Помните, что творилось на его похороны? Он был гением злодейства.

Эгерт Константин Владимирович — замечательный режиссер был, актер — забрали, вышел из заключения уже больным и вскоре умер, Коваль-Самборский Иван Иванович... — много, много их было.

Во время войны наша студия была эвакуирована в Душанбе. Там мы и ставили «Кащера Бессмертного». Есть такой немецкий фильм, поставленный по немецкому эпосу о Нибелунгах — во ВГИКе хранится до сих пор, кажется, его копия. Так вот, работая над образом Кащера, мне хотелось сделать пародию на этот эпос, вообще пародию на пангерманизм. Но это ведь сказка, а сила обобщения у нее гораздо больше. Сейчас смотрю — и не только на это получилась пародия...

— А как вы пришли в кинематограф?

— Мое увлечение кино началось с детских лет, как, наверное, у многих

тогдашних мальчишек. Жили мы на Арбате, все время бегал смотреть новые фильмы — тот кинотеатр до сих пор стоит — «Художественный».

В кино тогда богом был для меня Макс Линдер — вы же его видели? Вот это был актер! Ну, а моя дальнейшая судьба была связана с театральной школой при Театре Революции — ныне имени Маяковского. К Мейерхольду, правда, я уже не попал, но учился у его учеников. Главным моим наставником стал Мартинсон. Он почуствовал мое эксцентрическое амплуа, очень много помогал. Потом работал в этом театре. Помню, на собраниях коллектива один директор все время говорил: «Меня сюда партия поставила, а вы меня критикуете!».

— Таких директоров и сейчас немало...

— Да, конечно... Потом мне пришлось выбирать — кино или театр. Я выбрал первое. Сейчас могу твердо сказать, что бытующее представление о том, что это одно и то же искусство, неверно. Искусству кино приходится учиться заново, никакой театральный опыт помочь здесь не в силах.

Я работаю в области сказок — странно звучит, да? Но это так. А для того чтобы киносказки получились удачными, нельзя пренебрегать известными истинами. Например, такой, что сказки вовсе не должны сниматься специально для детей. Ведь и разговаривать с детьми надо обязательно так же, как и со взрослыми, так же серьезно. И снимать фильмы для них надо серьезно.

Меня спрашивают иногда: какая Баба Яга, добрая или злая? И не добрая, и не злая. Просто истеричная старуха, от которой можно ожидать всего, чего угодно. Я ее такой и играю. Такие и в жизни бывают. А Кащера Бессмертного можно легко превратить в трагедию одинокого человека. Сделать из него то же самое, что Лермонтов сделал из Демона. Если не пони-

мать этого, то этих персонажей играть просто нельзя.

Основная цель искусства — борьба с предрассудками. Искусство не имеет в своем распоряжении ни авиации, ни артиллерии, у него свои средства. Оно должно бороться с ханжеством, бюрократией, бескультурьем...

...Мы разговариваем с Милляром, а я все пытаюсь угадать в чертах его лица знакомых мне по сказкам героев из «Василисы Прекрасной» и «Марьи-искусницы», «Морозко» и «Обыкновенного чуда», «Варвары-красы, длинной косы» и «Корольства кривых зеркал»... Честно скажу — узнать трудно, но голос, голос!..

— Вы на пенсии сейчас, наверное?

— Пока держусь, — Георгий Францевич улыбается, — даже снимаюсь. Не верится, да? — Он хитро смотрит на меня. Молча смеется. — Режиссер Иван Васильев снял ленту под условным названием «На помощь, братцы». В сентябре началось озвучивание. Очень ехидная лента, спорная. С каким-то народным юмором, с озорством, которого ни Шекспир не чурался, ни Мольер. А ведь если бы сейчас Аристофана поставили, то наши ханжи его непременно бы запретили... Я играю в этом фильме царя, царя-марионетку, бесцветного такого. Таких много было в мире, и у нас были. Он сам ничего не решает, все за него решают другие.

Милляр знал Михоэлса, танцевал на сцене с Бабановой, снимался у Юткевича... Но обо всем не расскажешь...

Недавно Милляру присвоено звание народного артиста РСФСР. А через несколько месяцев ему исполняется 85 лет.

Счастлива вам, Георгий Францевич!

Беседу вел
А. ШАТАЛОВ.